

МОТИВАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ ФЕНОМЕНА «ЭЛИТА» В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА¹

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414025, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

По мере того, как развивается общество в техническом и информационном плане, человек утрачивает свою самостоятельность в выборе условий жизни и становится одним из многих потребителем бесконечных благ, навязываемых индустрией услуг. В таких условиях социальной модернизации появился феномен «элитизм», который и стал причиной искаженного понимания элит как избранных по статусному и материальному положением в обществе. В этой связи становится актуальным выявление мотивационных критериев элит, чтобы дифференцировать данное понятие от понятия «элитизм». Если исходить из понимания структуры человеческой мотивации с точки зрения субстанционально-деятельностной парадигмы в социально-философской теории, то критерии должны соответствовать основным побудительно-идеальным факторам человеческой деятельности: когнитивные (познавательные); ценностные; проектные; реактивные.

Ключевые слова: элита, элитизм, мотивация, субстанционально-деятельностный подход, потребность, модернизация, мотив, стимул, цель, воля, ценность, эмоции, позитивное мышление

MOTIVATIONAL CRITERIA OF A PHENOMENON "ELITE" IN THE CONDITIONS OF SOCIETY MODERNIZATION

Gaynutdinova Yekaterina V., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State Technical University
16 Tatishchev st., Astrakhan, 414025, Russia
E-mail: gainutdinova.ekaterina@mail.ru

As society in the technical and information plan develops, the person loses the independence in the choice of living conditions and becomes the one of many consumers of endless benefits imposed by the industry of services. In such conditions of social modernization there was a phenomenon "elitism" which became the reason of the distorted understanding of elite as the elite by status and material position in society. In this regard there is actual an identification of motivational criteria of elite to differentiate this concept from the concept "elitism". If proceeding from understanding the structure of human motivation from the point of view of substantial-active paradigm in the social and philosophical theory, criteria have to correspond to the major incentive - ideal factors of human activity: cognitive (informative); valuable; design; reactive.

Keywords: Elite, elitism, motivation, substantial-active approach, requirement, modernization, motive, incentive, purpose, will, value, emotions, positive thinking

По мере того, как развивается общество в техническом и информационном плане, человек утрачивает свою самостоятельность в выборе условий жизни и становится одним из многих потребителем бесконечных благ, навязываемых индустрией услуг. В таких условиях социальной модернизации появился феномен «элитизм», который и стал причиной искаженного понимания элит как избранных по статусному и материальному критериям в обществе. Фактически, ситуация складывается таким образом, что если человек не обладает властью как таковой, то он, по крайней мере, пытается себе создать иллюзию этой власти посредством атрибутов потребления «элиты», поскольку подобные стремления ассоциированы, в первую очередь, с успе-

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8255.

хом, что в настоящее время в качестве общей установки достаточно популярно. Кроме того, процесс глобализации, о котором так много говорят и полагают его как верный принцип организации жизнедеятельности людей, на самом деле, является, по сути, иллюзией и тем примером, когда человек желаемое выдает за действительное. Благодаря такого рода тенденциям в процессе интеграции мы теряем человека как индивидуальность и в условиях конформизма подавляем личностную составляющую субъекта, что также отражается на ином, иллюзорном, понимании элиты, как тех, кто, обладая атрибутами власти и материального достатка, стремятся таким образом быть отличными от «толпы». Между тем, как отмечают многие ученые, модернизация России без участия элиты невозможна. Например, А.Н. Аринин говоря об условиях, при наличии которых модернизация России возможна, указывает на то, что в реализации политической воли руководства страны ядро властвующей элиты должна принять активное участие [1, с. 14]. В этой связи становится актуальным выявление мотивационных критериев элит, чтобы дифференцировать данное понятие от понятия «элитизм» как иного и искаженного понимания сути элиты. Если исходить из понимания структуры человеческой мотивации с точки зрения субстанционально-деятельностной парадигмы в социально-философской теории, то критерии должны соответствовать основным четырем звеньям мотивации:

а) стимул – есть первичное отражение потребностей психики человека как ощущение; стимул есть проекция сущего;

б) фаза мотивационной рефлексии и стимула (это система мотивов), т.е. осуществляется действие мотивов как ценностного осмысления стимулов, основание их ранжирования и отбора, стратегические программы, системы мотивации поведения человека;

в) цель, т.е. целевое проектное сознание – это цели и программы деятельности, где цель – это осознаваемый результат деятельности человека.

г) воля или реактивное сознание – деятельность может быть «запущена» на основе осознания стимула, но последнее может быть адекватным или неадекватным; в последнем случае рано или поздно включается механизм разумной самокоррекции. Сюда также относятся эмоции [3, с. 36].

С точки зрения субстанционально-деятельностного подхода в социально-философской теории мотивация является одной из стадий развития деятельности, где формируется ее информационная программа, определяемая сознательной целепоставкой и вариантами ее реализации. Тогда как потребность выступает детерминантом человеческой деятельности. Однако без участия сознания потребность не способна обрести функциональный смысл, а, значит, и действия, осуществляемые индивидами, не смогут называться деятельностью. Изучение потребностей человека позволяет представить его как субъекта, обладающего целостностью, единством, интегральностью, то есть обнаруживается основание для системности всех его психических свойств, истоки которых восходят именно к потребностям. Иначе говоря, деятельность как таковая присуща именно человеку, который способен разнообразить процесс удовлетворения потребностей, опосредуя его различными средствами и формами удовлетворения, представить себя как многогранная личность, способная превратить деятельность в индивидуальное творчество, формирующегося на базе личностного развития сознания. Однако изначально поставленные цели не всегда достигают ожидаемого результата, поскольку идеальность целей опосредуется средствами удовлетворения потребностей, в рамках чего внешние условия на данном этапе вносят непредсказуемые коррективы в реализации поставленных задач, что обуславливает реальный характер результата. Исследуя проблему взаимодействия цели, средства и результата Н.Н. Трубников отмечал: «Целевая деятельность человека возможна лишь постольку, поскольку результат не равен не только цели, но и средству; поскольку он обещает дать нечто большее, чем было затрачено на его достижение» [18, с. 136]. Таким образом, деятельностный процесс представляет собой тождество материального, идеального и реального, где материальной категорией считается потребность, а

идеально-регулятивная система, связанная с работой сознания, представлена мотивационной сферой, в состав которой входит мотив, актуализированная потребность, желание, цель и так далее, а реальным выступает результат деятельности.

Психология в настоящее время особенно активно изучает мотивацию деятельности как необходимый момент человеческого поведения (сознание как регулятивный механизм) и определяет в качестве основных такие побудительно-идеальные факторы человеческой деятельности, как: 1) когнитивные (познавательные); 2) ценностные; 3) проектные; 4) реактивные.

Ориентируясь на представления психологии о побудительно-идеальных факторах и обращаясь к субстанционально-деятельностной теории в социальной философии можно предположить, что «элита» должна обладать следующими критериями:

1. Одним из побудительно-регулятивных факторов являются *когнитивные факторы*, что соответственно ориентирует на первый критерий элиты – это познавательный компонент, т.е. представители элиты должны обладать интеллектуальным потенциалом и кругозором. Однако здесь следует учитывать не потребительскую сущность человека, направленную на познание к материальному обогащению, а к **формированию личностного «Я», определяющего личную ответственность субъекта перед самим собой.**

2. *Ценностное* предпочтение связано с формированием мотива в человеческой деятельности. **Мотив** – это предпочтение чего-то чему-то (ценностное предпочтение). Именно здесь находятся истоки свободы воли. Однако ценностная характеристика мотива не всегда учитывается в психологии: в основном мотив рассматривается как (от лат. *movere* — приводить в движение, толкать) предмет, который выступает в качестве средства удовлетворения потребности (А.Н. Леонтьев); «мотив – как побуждение – источник действия, его порождающий; но чтобы стать таковым, он должен сформироваться» [14, с. 42]. Если рассматривать мотив с этой точки зрения, то он должен определяться как объективное свойство субъекта, но мотив – это идеально-регулятивный механизм деятельности и является порождением сознания, соответственно напрямую зависит от него. В связи с этим роль мотива в деятельности определяется варьированием выбранных средств с учетом целепостановки. Большинство современных авторов, включая и одного из главных исследователей воли – В.А. Иванникова, рассматривают волю как способность, производную от сознания, будь то сознательная регуляция субъектом своей деятельности. Согласно В.А. Иванникову, волевое побуждение к действию исторически возникло в процессе труда, где создание орудий не приводит к непосредственному удовлетворению актуально переживаемой субъектом потребности [7, с. 11]. На стадии мотивации, где осуществляется процесс осознания потребности, воля выступает мощным регулятором деятельности индивида, поскольку осознание потребности и поиск средств к их удовлетворению не становится фактом сиюминутного состояния насыщения. Иначе говоря, сознание способно вырабатывать имманентные ему импульсы поведения (свобода воли), что в результате дает возможность любую потребность временно не делать импульсом поведения, то есть ранжировать поведение (например, аскетический образ жизни монаха в отличие от комфортного существования «светского льва»). Но все эти вариации не выходят за пределы необходимости удовлетворения потребностей, поскольку таковое является неременным условием поддержания жизни человека. Существуют определенные действия, производимые субъектом автоматически, то есть это те действия, которые, проходят через мотивационную сферу, включая участие воли [3, с. 34–35]. Вступая в полемику с Е.П. Ильиным по поводу определения волевого намерения, В.А. Иванников полагает, что, поскольку воля «в ситуации равнопривлекательных мотивов будет проявляться как намеренный выбор одной из альтернатив», постольку «воля не сводится ни к мотивации, ни к выбору» [7, с. 11]. Однако для меня воля является основой мотивации как проявление сознания в деятельности, благодаря воле и осуществляется субъективный осмысленный выбор линии действия. Здесь проблема в несколько различной интерпретации состоит в том, какие

в основе заложены представления о мотивации. В этой связи воля и соответственно умение управлять своим поведением является важнейшим критерием элиты, когда общественные интересы становятся гораздо важнее личных. Кроме того, воля как проявление сознания субъекта в процессе реализации деятельности необходима еще и тогда, когда элита стремится не руководствоваться в своих действиях биологически заданными потребностями и идти на поводу своих бесконечных желаний, а пытается нести ответственность за свои поступки и направлять других, что напрямую согласуется с миссией элиты, о которой говорит П.Л. Карабущенко, полагая ее смысл в том, чтобы заниматься наиболее благородными формами человеческой деятельности, служить охраняющим фактором культуры и цивилизации [8, с. 188].

Ценностные компоненты ориентируют на следование объективным этическим нормам. На ценностном уровне получает качественную наполненность актуализированные потребности, что становится определяющим для вектора того или иного действия и влияет на характер постановки целей и способов их достижения. В этой связи речь заходит о соответствии потребностей и условий для их реализации. В этой связи, ориентируясь на разработанную ранее классификацию потребностей, которая по сути своей интегральная, поскольку содержание типов потребностей является, своего рода компромиссным решением в дилемме биологического и социального аспектов в деятельности субъектов, определяя представленные потребности как основу деятельности, обусловленную природной сущностью человека [4, с. 90–98]. Особенно это является принципиальным в стремлении найти точки пересечения биологических концепций, которые либо стараются свести количество потребностей к минимуму (например, психофизиологи И. Ренчлер, Б. Херцбергер и Д.Эпстайн выделяют такие типы потребностей: познания, экономии сил и вооруженности теми знаниями, навыками и умениями, которые наиболее коротким и верным путем ведут к достижению цели [10, с. 8–10]), либо потребностями называют любые проявления человеческой активности (С. Мюррей, У. Мак-Дугалл).

Проблема типологизации бытийных и личных потребностей зачастую связана с плюралистичностью позиций многих исследователей, желающих отобразить все грани развития истинно человеческих свойств, что в итоге становится крайностью отождествления потребностей с их предметом или формой. Иначе говоря, соотношение потребностей и понятия элита должны быть актуализированы и реализованы в процессе развития таких потребностей, как бытийные и личные (названия данных типов потребностей аналогичны тем, которые указаны в классификациях А. Маслоу и К. Обуховского), направленные на внутреннее и социальное развитие субъекта. А именно: бытийные потребности – потребность в общении; потребность в самоутверждении; личные потребности – потребность в свободе; потребность в любви; потребность в творчестве; эстетическая потребность. Я думаю, что независимо от того, каким образом происходит разделение потребностей на бытийные или витальные, предпосылки и суть носят врожденный характер. Другое дело, когда мы в социальные или личностные потребности вкладываем особый смысл и процесс обнаружения и формы ощущения этих потребностей у нас особенные, поскольку отношение к этим потребностям особенное.

Если мы обращаемся к **бытийным потребностям**, то их соотношение с определением критериев элиты должно выглядеть таким образом.

Потребность в общении как потребность, которая обуславливает стремление человека к общественным отношениям, формирующих адекватное восприятие как действительности, так и себя самого. По сути, потребность в общении отображает свойство коллективной сущности субъекта и дает основу для стремлений человека общаться с себе подобными. Например, М.В. Тараткевич отмечает, что в процессе социальных контактов, «формируется весь спектр человеческих эмоций, этических и эстетических навыков, волевых качеств» [17, с. 61]. Тесно связана с потребностями в общении и в познании *потребность в информации*, поскольку также определяет возможность человека к социальной адаптации в силу того, что ему необходимо

знать, какие события происходят не только с окружающими его людьми, но и за пределами его визуального восприятия, чтобы ощутить себя частью общей системы взаимоотношений на уровне не только своей востребованности, но и на уровне своей осведомленности. Между тем указанная потребность претендует на принадлежность к базовым, поскольку ее наличие обусловлено природной сущностью человека. В дальнейшем была предпринята попытка М.И. Лисиной проследить эволюцию потребности в общении в онтогенезе. В результате она выделила также и стадии развития этой потребности: во внимании и доброжелательности взрослого (первое полугодие жизни); в сотрудничестве (ранний дошкольный возраст); в доверительном отношении взрослого к запросам ребенка (младший и средний дошкольный возраст) и т.д. [12, с. 30–46].

В этой связи элита должна быть мощным инструментом в развитии общения на уровне наставничества и формировании доверия между субъектами на пути к адекватному восприятию действительности и тех процессов, которые осуществляются в обществе. Данный путь предусматривает авторитет элит в восприятии огромного информационного потока, корректируя таким образом свою личную осведомленность и востребованность в обществе, что позволяет не раствориться в системе взаимоотношений, а стать важной их частью, частью единого целого. В этом и состоит баланс социальных отношений.

Потребность в самоутверждении, как та, которая реализуется в условиях коммуникации индивидов и определяет необходимость развития интеллектуальных способностей, также соотносится с понятием «элита». Иначе говоря, каждому человеку свойственно саморазвитие либо посредством работы, либо посредством взаимоотношений между людьми. Исследованием данной потребности занимались и продолжают заниматься многие ученые (К.Г. Юнг, А. Адлер, К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт, Д. Макклелланд и др.), поскольку всегда были актуальными возможности и пути самоопределения субъекта, а также поиск основ позитивного восприятия действительности. Потребность в саморазвитии и потребность в самоутверждении очень близки по значению, но отличны по содержанию в плане детерминации: если первая потребность детерминирует личное развитие субъекта и связана непосредственно с собственной оценкой индивидом своих возможностей, то вторая потребность детерминирует социальную востребованность субъекта, т.е. способность не просто к социальной адаптации, а возможность быть замеченным и реализованным в процессе общения на уровне актуализации данной потребности. Например, С.Б. Каверин отмечает: «... почти каждое коммуникативное действие сопровождается желанием, то более, то менее осозанным, показать «значимым другим» оригинальность, своеобразие и непохожесть собственной личности» [9, с. 22]. Следует учитывать тот факт, что реализация данных потребностей возможна лишь при определенных условиях. В частности, С.Г. Спасибенко отмечает эту особенность у потребности в самоактуализации: «Самоактуализация может совершаться лишь при определенных социальных условиях. Конечно, высшей мерой самоактуализации является реализация способностей, талантов, а подчас и гениальности человека» [15, с. 121].

Следуя данной логике элита должна служить ориентиром в достижении своей профессиональной самореализации за счет своих интеллектуальных и профессиональных знаний, а не за счет усилий других и благоприятно сложившихся обстоятельств. Тем самым, здесь подчеркивается самостоятельный путь поиска внутренних резервов для достижения своих целей.

Если мы обращаемся к личным потребностям, то соотношение должно выглядеть следующим образом.

Как, возможно, ни парадоксально, но потребность в любви также актуальна в понимании феномена «элита», поскольку данная потребность является детерминантом в развитии таких гуманистических качеств, как милосердие, сострадание, сопереживание, дружба. Любовь также является основополагающим принципом христианской морали. Элита, в свою очередь, должна быть не только примером, но и ини-

циатором развития гуманистических ценностей с целью актуализации этических основ развития общества.

Одним из типов личных потребностей является *потребность в свободе*, детерминирующая возможность выбора, а также возможность проявления собственной природы человека. Несмотря на то, что в рамках научных исследований различных дисциплин понимание свободы не ограничивается каким-то одним исходным определением, с позиции анализа потребностей, наиболее приемлемым в общем контексте исследования является утверждение М. Шабановой, которая рассматривает в качестве свободы возможность субъекта выбирать и беспрепятственно реализовывать жизненно важные цели и ценности [19, с. 122]. Иначе говоря, человек всегда стремится к тому, чтобы его действия, убеждения по мере возможности ничто и никто не ограничивали. Проблема актуализации данной потребности связана с внешними условиями существования человека, под воздействием которых свобода индивида определенным образом подавляется. Например, в рамках исследования проблемы насилия Д. Галтунг определил формы подавления свободы: прямое насилие (репрессии, задержание, изгнание); структурное насилие (маргинализация, разобщение) [5, с. 37]. Потребность в свободе актуализируется в момент осознания субъектом ее отсутствия или недостаточности, что наиболее пагубно воздействует особенно на тех, кто отбыл срок в местах лишения свободы. Ряд исследователей связывают понятие «свобода» с «вседозволенностью», что, в свою очередь, отражается и на построении классификации. В частности, А.В. Соколов рассматривает этическую потребность как противоположность потребности в свободе: «Этическая потребность заключается в целесообразном управлении свободной самостоятельностью индивида в интересах социума, а значит, и в его собственных интересах. Этическая потребность связана с биогенной потребностью в свободе, являясь ее социальным противовесом» [16, с. 49]. Однако этическая потребность не является детерминантом деятельности, поскольку представляет собой форму выражения волевого посыла, то есть человек сознательно координирует посредством этических норм свое поведение. Об этом писал В.К. Виллюнас, связавший возникновение воли со становлением индивида как самоопределяющегося субъекта, «который сам свободно – произвольно – определяет свое поведение и отвечает за него... Воля в специфическом смысле этого слова, поднимающаяся над уровнем одних лишь природных органических влечений, предполагает существование общественной жизни, в которой поведение людей регламентируется нравственностью и правом» [2, с. 187].

Если соотносить потребность в свободе с понятием элита, то следуя пониманию элиты как качественной определяющей личности, отражающей ее духовный и интеллектуальный уровень, за счет чего и формируется общественная значимость. **Свобода в данном контексте должна пониматься как личная ответственность в своих действиях, и личное мнение, характеризующееся независимостью в оценке происходящих событий в обществе.**

Нередко исследователи выделяют *эстетическую потребность*, которая характеризует собой свойство человека определять критерии прекрасного как умения разграничивать эту категорию с ней противоположных, что отлично от качественной характеристики, которое дает сознание. Как отмечает, например, А.В. Соколов, что эстетическая потребность – это потребность в упорядоченности, ритмизации, соразмерности, гармонизации всех без исключения видов деятельности человека...» [16, с. 49]. Между тем следует учитывать и то, что указанная потребность определяется не тем, какие качественные условия жизни окружают субъекта, а тем, как сама потребность определяет необходимость развития средств для ее удовлетворения. В данном контексте в отношении к элите формируется такой критерий, как эстетическая потребность, но связанная по сути в своей реализации не с внешней составляющей представителей элит, а с преобразовательными их функциями, направленными на гармонию отношений в обществе.

Потребность в творчестве соотносится с личным и социальным потенциалом субъекта, направляя внутренние силы организма на нестандартное решение проблем. Данная потребность также считается базовой в силу того, что определяет стремление человека к развитию внутренних возможностей. Благодаря наличию данной потребности субъект оказывается способным к развитию научного мышления, а также воображению в различных областях деятельности. Еще Э. Мунье отмечал, что по сравнению с потребительскими нуждами потребности творчества являются собственно личностными, поэтому они не должны знать никаких других ограничений, кроме индивидуальных способностей и возможностей [13, с. 402] Однако специфика данной потребности заключается в том, что ее осознание осуществляется людьми, достигшими личностного и социального развития; в иных случаях потребность в творчестве не обретает чувственного отображения. Все указанные характеристики также соответствуют качественной сути элиты, которая должна стремиться к индивидуальным и нестандартным путям решения существующих в обществе проблем, активизируя, в первую очередь, свой духовный и интеллектуальный потенциал, а также креативность.

Наибольшую сложность в плане анализа представляют потребность в саморазвитии, потребность в самоутверждении, эстетическая потребность, потребность в творчестве, поскольку нет общепринятых подходов относительно механизма их формирования, несмотря на то, что данные типы широко представлены в литературе. С одной стороны, нельзя говорить о потребности, если она не принадлежит каждому представителю человеческого рода; с другой стороны, недостаточно конкретного материала для доказательства обратного. В связи с этим вопрос остается открытым и требует дальнейшего исследования. Поскольку данная позиция не отображает отрицание указанных типов потребностей, но при этом однозначно не утверждает их в качестве детерминантов деятельности, постольку механизм соотношения данных потребностей с понятием «элита» сложно представить абсолютно верным. Тем не менее, очевидность присутствия такого рода детерминант в деятельности элиты отрицать нецелесообразно.

3. Следующим побудительно-идеальным фактором человеческой деятельности являются *проектные формы сознания*, что связано с целеполаганием и разработкой плана действий. На данном уровне развития деятельности целеполагание рассматривается как основополагающий принцип построения действия, когда которое является отражением желаний и стремлений субъекта. Цели придают направленный характер человеческому поведению и ориентируют мысли и действия человека на достижение определенного результата. В дальнейшем индивидуум реагирует и действует в соответствии с этими намерениями или целями, даже если они не достигаются. Результатом реакций являются последствия, обратная связь или подкрепление. Целеполагание дает возможность субъекту спрогнозировать заранее желаемый результат согласно специфике реальных взаимосвязей человека с окружающей действительностью. В этой связи Н.С. Злобин указывает на то, что целеполагание есть выход за пределы ограничения, определяемые естественной необходимостью, равно как и преодоление ограниченности уже известных, выявленных и в этом смысле устойчивых связей объекта. Указанные факты представляют возможным выступать человеку как системообразующим элементом «исторической природы», «полагая самого себя, свое развитие в качестве опосредующего звена, связывающего природные объекты, человек выступает» [6, с. 119], поскольку благодаря сознанию человек способен создавать собственную реальность, давать многогранную оценку происходящим событиям. Кроме того, особое значение в определении качества деятельности играет постановка целей, являющихся отражением желаний и стремлений субъекта. При этом следует обратить внимание на тот факт, что целевая и волевая стадии развития деятельности напрямую зависят от уровня духовного развития личности. В этой связи для прогнозирования и последовательности действий элитам также необходимо целеполагание, поскольку **целеустремленность является важнейшим условием**

формирования лидерских качеств, а элита в этом плане должна быть примером сильной личности, которая знает, что хочет добиться от жизни.

4. *Реактивные формы сознания* – это те импульсы, которые неотделимы от факта деятельности (волевой посыл или эмоции). Эмоции являются формой обнаружения потребности: момент осознания потребности проходит под воздействием эмоционального состояния субъекта. Другими словами, посредством различных эмоций мы выражаем свое удовлетворенное либо неудовлетворенное состояние. Однако ряд исследователей, отождествляющих потребность и нужду, тем самым связывают потребность с состоянием, поэтому следствием этого становится представление о тесной связи самой потребности и эмоций, что становится причиной отождествления потребности и чувства: «С одной стороны, удовлетворение или неудовлетворение потребности, которая сама не проявилась в форме чувства, а испытывается, например, в элементарной форме органических ощущений, может породить эмоциональное состояние удовольствия – неудовольствия, радости – печали т.п.; с другой стороны – сама потребность как активная тенденция может испытываться как чувство, так что и чувство выступает в качестве проявления потребности» [14, с. 141].

Формирование силы воли, а также позитивные эмоции способствуют не только позитивному восприятию действительности, но и должны ориентировать элиты тех, кто стремится таковыми стать, к осознанию необходимости позитивного вектора актуализации мотивов и целей субъекта. Кроме того, здесь следует уточнить, что основой данных мотивационных компонентов составляет позитивное мышление, направленное на совершенствование личностных положительных качеств личности во благо себя и общества. Конечно, обычной констатации позитива в действии оказывается недостаточно для того, чтобы субъект осознал необходимость в этом. В этой связи актуализируется не сама установка на позитив как таковая, а основа позитивной мотивации. Помимо этого, формирование критериев элит должно строиться на основе такого понятия как мотивационный баланс, характеризующий позитивные основы формирования личности. Говоря о балансе, я подразумеваю равновесие или, как можно сказать, **умеренное**, а не подавляемое соотношение биологического и социального. Причем, подразумевая под балансом также и умеренность – это не значит вернуться к гедонистическим концепциям античности, это скорее стремление показать динамику развития гармоничной личности. Например, Ф. Ларошфуко рассматривает разное понимание умеренности: с одной стороны, умеренность – это страх зависти или презрения, которые становятся уделом тех, кто опьянен удачей; или суетное желание покрасоваться силой духа; а с другой – умеренность в людях, высоко вознесшихся, представляется как **желание казаться выше собственного успеха** [11, с. 27]. По сути, культурологические коррективы, которые вносятся в понимание разницы между феноменом элитность и элитизм дают более объективное восприятие элит в универсальном контексте, а не применительно к политике или социальному статусу.

Представление мотивационных критериев элиты как в своем количестве, так и в своем качественном наполнении направлено, в первую очередь, на корректное понимание элиты, а также на понимание сложности и многогранности данного феномена. Между тем существует и такая точка зрения, которая предполагает главную мотивацию элит в самосохранении. В частности, А.Н. Аринин объясняет это тем, что подвигнуть представителей правящей элиты к модернизации страны возможно лишь в условиях надвигающейся опасности потери власти и личного благополучия, поскольку именно благодаря им пробуждаются инстинкты собственного выживания [1, с. 15]. Между тем, контекст данного утверждения, возможно, соответствует анализу процесса модернизации, но для характеристики и понимания сути элиты оказывается недостаточным. Однако подобное описание мотивации элит служит очередным подтверждением того, что детерминанты, обусловленные природной сущностью человека, определяют направленность действий субъекта, независимо от того, какую роль в обществе он играет.

Таким образом, в ходе анализа феномена «элиты» и попыток выявить его мотивационные критерии, обнаружилось, что необходимо соблюдать корректность в понимании данного феномена, что особенно актуально в условиях модернизации России. Кроме того, одного мотивационного критерия оказывается недостаточно для того, чтобы передать сложность и культурологическую уникальность феномена «элиты». В этой связи было обнаружено, что проводя соотношение понятия «элиты» с основными побудительно-идеальными факторами человеческой деятельности, можно проследить логику формирования качественных характеристик элиты. Благодаря этому можно более объективно представить ее понимание и убедиться в том, что основу данных мотивационных компонентов составляет позитивное мышление, направленное на совершенствование личностных положительных качеств личности во благо себя и общества.

Список литературы

1. Аринин А. Н. Модернизация России: постановка проблем / А. Н. Аринин, А. А. Галкин // Модернизация России как условие успешного развития в XXI веке. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. – С. 14–15.
2. Виллонас В. К. Психологические механизмы биологической мотивации / В. К. Виллонас. – М. : Моск. ун-т, 1986. – С. 187.
3. Гайнутдинова Е. В. Структура мотивационной стадии развития социальной деятельности / Е. В. Гайнутдинова // Вестник АГТУ: научный журнал. – Астрахань, 2005. – № 5 (28). – С. 27–37.
4. Гайнутдинова Е. В. Место и роль потребностей в детерминации деятельности / Е. В. Гайнутдинова. – М. : Прометей, 2012. – С. 90–98.
5. Галтунг Д. Культурное насилие / Д. Галтунг // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1995. – Вып. 8. – С. 36–39.
6. Злобин Н. С. Деятельность – труд – культура / Н. С. Злобин // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М. : Политиздат, 1990. – С. 111–128.
7. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции / В. А. Иванников. – СПб. : Питер, 2006. – С. 11.
8. Карабущенко П. Л. Политическая герменевтика / Карабущенко П. Л. – Астрахань : Р. В. Сорокин, 2012. – С. 188.
9. Каверин С. Б. Психология потребностей / С. Б. Каверин. – Тамбов : Тамбовский ун-т, 1996. – С. 22.
10. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики: пер. с англ. / под ред. И. Ренцлера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. – М. : Мир, 1995. – С. 8–10.
11. де Ларошфуко Ф., Максимы де Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века. Ш. де Сен-Дени де Сент-Эвремон. Избранные беседы. Л. де Клапье де Вовенарг // Введение в познание человеческого разума. Размышления и максимы. С.-Р. Н. Шамфор. Максимумы и мысли. – М. : АСТ, 2004. – 796 с. – (Пушкинская библиотека).
12. Лисина М. И. Проблемы онтогенеза общения / М. И. Лисина. – М. : Педагогика, 1986. – С. 30–46.
13. Мунье Э. Манифест персонализма : пер. с франц. / Э. Мунье. – М. : Республика, 1999. – С. 402.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 2. – С. 42, 141.
15. Спасибенко С. Г. Биолого-генетические основания социальной структуры человека / С. Г. Спасибенко // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С. 108–127.
16. Соколов А. В. Коммуникационные потребности / А. В. Соколов. – Краснодар : Акад. культуры, 1996. – 160 с. – С. 49.
17. Тараткевич М. В. Человек. Среда. Потребности / М. В. Тараткевич. – Минск : Беларусь, 1980. – 272с. – С. 61.
18. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат» / Н. Н. Трубников. – М. : Высшая школа, 1968. – 148 с.
19. Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество / М. Шабанова. – М. : МОНФ, 2000. – С. 122.

References

1. 1. Arinin A. N. Modernizatsiya Rossii: postanovka problem / A. N. Arinin, A. A. Galkin // Modernizatsiya Rossii kak uslovie uspehnogo razvitiya v XXI veke. – M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. – S. 14–15.
2. Vilyunas V. K. Psikhologicheskie mekhanizmy biologicheskoy motivatsii / V. K. Vilyunas. – M. : Mosk. un-t, 1986. – S. 187.
3. Gaynutdinova Ye. V. Struktura motivatsionnoy stadii razvitiya sotsialnoy deyatel'nosti / Ye. V. Gaynutdinova // Vestnik AGTU: nauchnyy zhurnal. – Astrakhan, 2005. – № 5 (28). – S. 27–37.
4. Gaynutdinova Ye. V. Mesto i rol potrebnostey v determinatsii deyatel'nosti / Ye. V. Gaynutdinova. – M. : Prometey, 2012. – S. 90–98.
5. Galtung D. Kulturnoe nasilie / D. Galtung // Sotsialnye konflikty: ekspertiza, prognozirovaniye, tekhnologii razresheniya. – M., 1995. – Vyp. 8. – S. 36–39.
6. Zlobin N. S. Deyatel'nost – trud – kultura / N. S. Zlobin // Deyatel'nost: teorii, metodologiya, problemy. – M. : Politizdat, 1990. – S. 111–128.
7. Ivannikov V. A. Psikhologicheskie mekhanizmy volevoy regul'yatsii / V. A. Ivannikov. – SPb : Piter, 2006. – S. 11.
8. Karabushchenko P. L. Politicheskaya germeneytika / Karabushchenko P. L. – Astrakhan : R. V. Sorokin, 2012. – S. 188.
9. Kaverin S. B. Psikhologiya potrebnostey / S. B. Kaverin. – Tambov : Tambovskiy un-t, 1996. – S. 22.
10. Krasota i mozg. Biologicheskie aspekty estetiki: per. s angl. / pod red. I. Renchlera, B. Khertsberger, D. Epstayna. – M. : Mir, 1995. – S. 8–10.
11. de Laroshfuko F. Maksimy, de Labryuyer Zh. Kharaktery, ili Nruvy nyneshnego veka. Sh. de Sen-Deni de Sent-Evremon. Izbrannye besedy. L. de Klape de Vovenarg // Vvedenie v poznanie chelovecheskogo razuma. Razmyshleniya i maksimy. S.-R. N. Shamfor. Maksimy i mysl'i. – M.: AST, 2004. – 796 s. – (Pushkinskaya biblioteka).
12. Lisina M. I. Problemy ontogeneza obshcheniya / M. I. Lisina. – M. : Pedagogika, 1986. – S. 30–46.
13. Mune E. Manifest personalizma : per. s frants. / E. Mune. – M. : Respublika, 1999. – S. 402.
14. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t. / S. L. Rubinshteyn. – M. : Pedagogika, 1989. – T. 2. – S. 42, 141.
15. Spasibenko S. G. Biologo-geneticheskie osnovaniya sotsialnoy struktury cheloveka / S. G. Spasibenko // Sotsialno-gumanitarnye znaniya. – 2002. – № 3. – S. 108–127.
16. Sokolov A. V. Kommunikatsionnye potrebnosti / A. V. Sokolov. – Krasnodar : Akad. kultury, 1996. – 160 s. – S. 49.
17. Taratkevich M. V. Chelovek. Sreda. Potrebnosti / M. V. Taratkevich. – Minsk : Belarus, 1980. – 272s. – S. 61.
18. Trubnikov N. N. O kategoriyakh «tsel», «sredstvo», «rezultat» / N. N. Trubnikov. – M. : Vysshaya shkola, 1968. – 148 s.
19. Shabanova M. Sotsiologiya svobody: transformiruyushcheesya obshchestvo / M. Shabanova. – M. : MONF, 2000. – S. 122.

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИИ
(на примере Италии)**

Кондрашев Кирилл Сергеевич, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kirill-kondrashev@yandex.ru

Вторая половина XX в. характеризуется развитием общественных отношений, что влечет за собой изменение структуры политических элит, возникновение новых типов элит, их активное взаимодействие, появление новых факторов, влияющих на политическую сферу в целом. При этом они оказывают как положительные, так и отрицательное воздействие. Примером такого фактора может служить медиатизация политики. Претерпевают изменения и способы